

УДК 811.11-112

Н. А. Смакотина

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ГЛАГОЛОВ TAKE И GIVE
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ,
ПОСТРОЕННЫХ НА ИХ ОСНОВЕ
(когнитивный аспект)**

Данная статья посвящена исследованию широкозначных глагольных компонентов фразеологических единиц. Известно, что в результате типологической перестройки в английском языке выделилась особая микросистема широкозначных глаголов (подробнее о понятии широкозначность и широкозначных глаголах см.: [Плоткин, 1989, Шапошникова, 1999]). Сюда относят глаголы *be, do, have*, представляющие собой ядро данной микросистемы, а также *take, give, come, make, keep, get, go* и некоторые другие. Разные глаголы по их функциональным особенностям можно расположить в разной степени приближенности к ядру.

Объектом настоящего исследования выступили глаголы *take* и *give* (динамические корреляты к *have*), которые обозначают действие включения предмета в сферу для *take* – субъекта, для *give* – реципиента, т. е. в основе семантики данных глаголов – конкретно-предметный архетип, представляющий собой отношения, возникающие между субъектами двух сфер при выведении-введении ими объектов из одной сферы в другую [Шапошникова, 1999]. Вслед за И. В. Шапошниковой мы отмечаем, что конкретно-предметный архетип широкозначных единиц легко транспонируется в сферу абстрактных сущностей, тем самым расширяя семантический потенциал глаголов и находя синтаксическое выражение в сочетаемости этих слов.

В настоящем исследовании мы акцентируем внимание на актуализации концептосферы глаголов *take* и *give* во фразеологических единицах в рамках когнитивного подхода. Целью когнитивной теории является, как утверждает Е. С. Кубрякова, изучение процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека [Кубрякова, 1997], поэтому исследование широкозначных глаголов как компонентов фразеологических единиц («особых структур знания») в когнитивном аспекте представляется наиболее целесообразным.

Глагол репрезентирует концептуальное содержание, ориентированное, по мнению Н. В. Ушковой, отчасти на систему языка, отчасти – на мир [Ушкова, 2005]. Отсюда следует, что глаголы кроме собственно грамматической функции также осуществляют языковую репрезентацию знаний о мире. Следовательно, представляется интересным выяснить, какова роль широкозначных глаголов *take* и *give* в составе фразеологических единиц, какое когнитивное содержание они привносят во фразеологизмы.

В процессе концептуализации фразеологических единиц – устойчивых словосочетаний важную роль играет метафора как основной вид семантической трансформации прототипа – исходного словосочетания, смысл которого слагается из значений слов-компонентов, внутренней формы (в терминах А. А. Потебни).

Теоретической посылкой данного исследования явилась когнитивная теория метафоры (См.: [Лакофф, Джонсон, 2004; Gibbs, 1990; и др.]). Одним из ее положений является то, что понимание нами мира основано, главным образом, на нашем физическом опыте. Так, на основе прямых значений «действий», направленных на включение-выведение объектов в сферу (из сферы) субъекта глагола, образуется ряд косвенных фразеологических значений.

К примеру, буквальный смысл фразеологизма «take a turn to the worse» «принять, взяв поворот к худшему», но так как значение во фразеологической единице специфицируется, оно зафиксировано во фразеологических словарях как «измениться к худшему» [Кунин, 2001. С. 439].

Например:

(1) And when the situation *took a turn for the worse*, Norma Jeane could hardly speak. «Oh! G-God!» [Oates, 2000. С. 263] – И когда ситуация изменилась к худшему, Норма Джин с трудом произнесла: «О! Б-Боже!» (здесь и далее перевод выполнен автором данной статьи).

Следовательно, здесь состояние, положение дел сравнивается с дорогой, точнее с поворотом с хорошей на плохую дорогу, а архитипическое значение глагола *take* «вводит» такое положение дел, такой «поворот» на «плохую дорогу» в сферу жизни человека, в его жизненную ситуацию.

Реализация концептуальной метафоры сопровождается образностью фразеологизма. Известно, что концепт небезразличен к своей языковой манифестации. А поскольку для фразеологизмов в большинстве случаев характерно наличие более или менее живой внутренней формы, то при описании их значений целесообразно, наряду с прочими компонентами плана содержания, принимать во внимание их образную составляющую. В своем исследовании мы оперируем концептуально-метафорической гипотезой (термин предложен Д. О. Добровольским) о природе образности, ее когнитивном статусе и роли в понимании фразеологических единиц. Мы характеризуем суть этой гипотезы примерно так же, как это делают Р. Гиббс и Дж. Лакофф: образная мотивация фразеологизмов основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением фразеологической единицы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других. Эти способы интерпретации Дж. Лакофф, Р. Гиббс называют концептуальными метафорами (*conceptual metaphors*); другие исследователи ([Баранов, Караулов, 1994; Беляевская, 2000]) оперируют термином «метафорическая модель».

Другая гипотеза выводит образность из прямых значений компонентов, т. е. собственно внутренней формы.

Думается, что образный потенциал фразеологических единиц – феномен комплексный и разносторонний. При употреблении фразеологической единицы перед мысленным взором говорящих или слушающих могут возникать образы, основанные на обыденных знаниях, которые служат не только основой формирования актуального значения фразеологической единицы, но и наследуются им и существуют (часто в виде свернутых концептуальных структур) как его часть. Образная составляющая выполняет функции модификатора соответствующего концепта, позволяя осуществлять семантическую дифференциацию фразеологической единицы. Помимо того, что во фразеологической единице реализуется концептуальная (когнитивная) метафора, в ней может сохраняться до определенной

степени мотивированность компонентами, так как их значение связано с пониманием целостного образа.

Во фразеологической единице «*give way*» мотивирующим является значение «дать дорогу, пропустить». Значение же, зафиксированное фразеологическим словарем – «идти на уступки кому-либо или чему-либо, сдавать свои позиции» [Кунин, 2000. С. 177].

Например:

(2) I'm Miss Golden Dreams. How'd you like to kiss me? All over? Here I am, waiting. <...>In the beginning The Athlete was looking at her with anxiety. But soon this *gave way* to open admiration [Oates. P. 490]. – И вот я – Мисс Золотая Мечта! И куда вам хочется меня поцеловать? Ах, да... повсюду? Так вот же я... я жду! <...>Сначала Атлет смотрел на нее с некоторым чувством тревоги, но потом оно уступило место открытому восхищению.

В данном случае жизненная ситуация, положение дел снова сравнивается с дорогой, но как думается широкой и хорошей. Глагол *give*, сохраняя свое значение, вносит семантический каркас в значение фразеологической единицы. Таким образом фразеологическая единица «*give way*», обладая внутренней формой, которую легко вывести из значений составляющих компонентов и связей между ними, в то же самое время обладает переосмысленным значением, что и формирует когнитивную структуру фразеологической единицы, где ситуация описывается на разных уровнях (буквальном и переосмысленном).

Среди фразеологических единиц с рассматриваемыми глаголами можно наблюдать и такие, значение которых основано на так называемом вторичном метафорическом сдвиге (мы оперируем термином Ю. М. Абашова [Абашов, 2001]), т. е. происходит как бы двойная концептуализация, когда развитие нового переносного значения происходит на базе основной семантики фразеологической единицы.

Например, фразеологическая единица «*give tongue*». Основная семантика фразеологической единицы «упакована» в назывании процесса лаяния собак, напавших на след. Здесь когнитивная метафора прозрачна: язык – орган, без которого звук издать сложно, сравнивается с производимым с его помощью лаем. Но на основе данной семантики развивается новое переносное значение – «высказываться, выговариваться». Таким образом, маркируются не сами звуки, а процесс «выговаривания», когда человек о чем-то пространно изъясняется. Конечно,

связь с прототипом, т. е. внутренней формой не потеряна, но когнитивная метафора прозрачна. Релевантна в этом отношении мысль Дж. Лакоффа о регулярном представлении и понимании абстрактного через конкретное, когда переосмысляются абстрактные концепты на базе архитипических знаний [Лакофф Дж., Джонсон. М., 2004].

Подобная ситуация имеет место с фразеологической единицей «*take the cake*» (см. пример 3 ниже) – превзойти других, занять первое место в чем-либо. Разница заключается лишь в эмоциональной окраске: если в случае с «*give tongue*», эмоциональная окраска относительно нейтральная, балансирует на грани между положительной и отрицательной, и определяющим фактором точной ее идентификации может быть только контекст, то в случае с «*take the cake*» эмоциональная окраска относительно четко положительна.

Например:

(3) They say, he always *takes the cake* with women [Oates, 2000. P. 325]. – Говорят, когда дело касается женщин, он всегда на высоте.

В данном примере отношения мужчины с женщинами сравниваются с кусочком пирога, торта (семантика существительного *cake*). А если, как в данном конкретном примере, женщинам с мужчиной приятно проводить время, «сладко», то он всегда будет пользоваться популярностью. Отсюда и значение фразеологической единицы – «быть на высоте». Что касается концепта, репрезентируемого глаголом *take*, то его влияние на значение фразеологической единицы очевидно: нельзя, не попробовав, т. е. не взяв объект, не включив его в свою сферу, понять «сладок» он или нет, приятен или нет.

Немаловажную роль в данном случае играет также артикль. Свидетельство идиоматичности именного компонента – употребление определенного артикля в препозиции к нему. Использование определенного артикля в составе анализируемой фразеологической единицы является обоснованным, поскольку этот детерминатив наделен собственной семантикой «индивидуализации» референта, т. е. характеризует референцию существительного как индивидуально ограниченную [Плоткин, 1989]. Семантика же артикля *a/an* имеет яркое значение единичности, поэтому данный артикль используется во фразеологических единицах, выражающих такую хронотопную характеристику, как однократность действия, но допускается и повторяемость, многократное повторение.

Например:

(4) Let me *give you a piece of my mind!*, – said Mr. Bolter, sharply [Dickens. P. 428]. – Мистер Болтер резко сказал: «Сейчас я скажу тебе пару ласковых».

В данном примере однократность действия подчеркивается неопределенным артиклем *a*, в переводе возникает еще и наречие *сейчас*. Что касается значения фразеологической единицы, то в данном случае чьи-то мысли (явно недобрые) сравниваются со словами, отсюда и «пару ласковых». Примечательно, что и в данном случае актуализуется концепт выведения из сферы субъекта, репрезентируемый глаголом *give*, ведь говорим мы (в данном случае «пару ласковых») в чей-то адрес.

Некоторые фразеологизмы характеризуются тем, что с предметами отождествляются жизненные взгляды, слова, мысли, чувства, разум, мышление. К этой группе можно отнести следующие фразеологизмы: «*give smb. a piece of one's mind*» (см. пример 4 выше) – сказать кому-либо пару ласковых; «*take a dim view of smth.*» – не ждать ничего хорошего; «*give one's word to smb.*» – дать кому-либо слово, пообещать; «*give tongue*» – высказываться; «*take the long view*» – проявить дальновзоркость, предусмотрительность, позаботиться о будущем, «*take the fancy of smb.*» – прийтись по душе кому-либо; «*take one's courage in both hands*» (см. пример 5 ниже) – собраться с духом; «*take heart*» – собраться с духом, воспрянуть; «*take the words out of smb's mouth*» – высказать то, что у другого было на языке; «*take smb's mind off smb.*» – отвлекать чье-либо внимание от кого-либо; «*take smth. to heart*» – принимать что-либо близко к сердцу; «*take one's cue from smb.*» – понять чей-либо намек, действовать согласно чьим-либо указаниям, следовать примеру кого-либо и другие.

Например:

(5) <...>it was such a historic moment, such a memorable one, that I *took my courage in both hands* and quickly said what I had to say to Gorbachev [Петренко, Чужакин, 1959. С. 11]. – Это был по-настоящему исторический момент, поэтому я собралась с духом и быстро сказала Горбачеву все, что должна была сказать.

В данном примере дух человека сравнивается со смелостью. Дух – сущность абстрактная и сама по себе метафоричная, но человек, сильный духом, прежде всего решительный, смелый человек. А уж если он «берет» (концепт, репрезентируемый глаголом *take*) «смелость в обе руки», это случай,

когда смелость в нужный момент проявится. Отсюда и переосмысленное значение фразеологической единицы – «собраться с духом», т. е. осмелиться.

Интересен случай фразеологической единицы с глаголом *give*: «*give hell to smb.*» (вариант «*give smb. hell*»). «*Hell*» – изначально является абстрактной сущностью в представлении и понимании людей, которая основана концепте некоего «дурного» вместилища (ср.: рус.: – «попасть в беду»). Итак, когнитивная метафора на уровне «внутренней формы» изначально затемнена, но понимается достаточно легко за счет резко отрицательной коннотации существительного «*hell*». Когнитивная метафора переносного значения данной фразеологической единицы еще более затемнена, – «задать жару», хотя в сознании людей четко закреплена ассоциация АД–ОГОНЬ–ЖАР. Таким образом, изначально абстрактное понятие выступает как конкретное в восприятии и понимании еще более абстрактной сущности. Но какова бы ни была степень «абстрагированности» в процессе концептуализации, семантика глагола *give* (как средства репрезентации концепта) безошибочно относит получение «жара», трепки и т. п. в область реципиента.

В такой фразеологической единице, как «*give the devil his due*» – отдавать должное врагу, плохому человеку (шекспировское «отдавать должное и черту»), дьявол также воспринимается как нечто конкретное, ассоциируемое с дурным человеком, являясь по существу абстрактной сущностью.

Фразеологическая единица «*take smb's life*» в значении «убивать» произошла на основе очень древней когнитивной метафоры, рисующей картину, когда (назовем условно) Высшая Сила (обычно Смерть) забирает жизнь живого существа. Когнитивная метафора прозрачна, т. е. можно легко ее понять. Восприятие когнитивной метафоры двояко. С одной стороны, жизнь также забирается, но, с другой стороны, в случае со Смертью, «забирание» жизни будет направлено в сферу субъекта глагола. Таков концепт, задаваемый глаголом *take*. Жизнь убитого таким образом ему более не принадлежит.

Фразеологическая единица «*take away smb's breath*» образована на основе аналитической лексемы *take away*, которая обозначает действие, структурированное по пространственно – направительным параметрам. Исследуемый фразеологизм представляет собой семантическое наложение когнитивной метафоры на «внутреннюю

форму» этой лексемы. При непосредственном выведении значения фразеологизма из значений составляющих его компонентов может сложиться ложное представление о процессе забирая чьей-либо жизни, представление, связанное с концептом «убивать». В действительности же рассматриваемая фразеологическая единица имеет значение «удивлять, поражать кого-либо; дух захватить» [Кунин, 2000. С. 439]. При сильном удивлении действительно на короткое время может приостановиться дыхание, как будто кто-то или что-то, поразившее, «забирает», уводит из сферы субъекта (актуализация концепта, задаваемого лексемой *take away*) на время дыхание. Тем самым реализуется когнитивная метафора понимания абстрактного – через конкретное.

Сочетания типа «*take care*» (беречь, заботиться), «*take pains*» (прилагать все усилия, стараться изо всех сил) по существу представляют собой аналитические лексемы, образованные по деривационной модели V + N. В данных лексемах, также как в случае с «*take away smb's breath*», реализуется когнитивная метафора: понимание абстрактного через конкретное.

Например:

(6) Well! You can't *take care* of yourself, without *taking care* of me! [Dickens. P 402]. – Ну-с... ты не можешь заботиться лишь о себе, не заботясь обо мне.

Когнитивная метафора здесь прозрачна: забота – абстрактная сущность, но она «включается, вводится» в сферу субъекта как некий конкретный объект. Когда человек заботится, он берет заботу о ком-либо на «себя». Неслучаен и возвратный суффикс –ся в русском глаголе.

Рассмотрим еще один пример:

(7) «Of course it is», replied Mr. Bolter, «What do yer talk about such things taking pains, for?» [Dickens, 1994. P. 409]. – «Конечно, это так», – воскликнул мистер Болтер. «И к чему прилагать столько усилий и говорить об этом?»

В данном примере усилия человека сравниваются с болевыми ощущениями, с болью. Всем известно, что когда что-то не получается, дается тяжело, человеку приходится преодолевать трудности, чтобы добиться желаемого результата, а «преодоление» требует усилий. Но человек сам прилагает усилия, берет трудности на себя.

Интересна с точки зрения актуализации концептосферы глаголов *give* и *take* фразеологическая единица «*give and take*» со значением «взаимные уступки». Концепт введения-выведения задается одновременно, в

одном контексте. В данном случае подразумевая процесс отдачи чего-либо важного взамен получения чего-либо важного.

Например:

(8) *Another word that is always tricky is the word compromise. Now, when we talk of a compromise, we talk, actually, of a positive give-and-take, whereas compromise in Russian is an extraordinary difficult word to translate, because the concept tends to go more in the direction of compromise where this is the best that can be done, but is far from the ideal, rather than a process of give-and-take* [Петренко, Чужакин, 1992. С 15]. – Еще одно слово, которое всегда вызывает сложности при переводе – компромисс. Когда мы (имеется в виду западное общество) говорим о компромиссе, мы подразумеваем взаимные уступки, в хорошем смысле; тогда как русское слово «компромисс» очень трудно перевести на английский язык, так как русский «компромисс» – это скорее не взаимные уступки, а единственное, что можно сделать в конкретной ситуации.

Любая фразеологическая единица представляет собой свернутую концептуальную структуру, являясь отражением человеческого опыта путем изначально ситуативной его фиксации, а далее применимой к более-менее подобным ситуациям. В свою очередь широкозначные глаголы (в нашем исследовании *take* и *give*) способны внести свой семантический компонент, который сохраняет связь с архетипической манипуляцией человека в своей жизненной сфере с архетипическим объектом [Шапошникова, 2005]. Вслед за И. В. Шапошниковой мы предполагаем, что исследуемые нами глаголы – своего рода «свернутые тексты» о ситуации введения – вывода объекта из одной сферы в другую. Следовательно, во фразеологических единицах, глагольные компоненты которых представлены широкозначными глаголами *take* и *give*, образность наслаивается на семантический каркас этих глаголов.

В заключение отметим, что источником фразеологических единиц являются метафорические концепты, которые рассматриваются как основание их семантики. Обобщенно значение исследуемого здесь семантического типа фразеологизмов можно сформулировать следующим образом: они представляют собой действия, структурированные с учетом семантического каркаса глаголов как манипуляции с псевдообъектом передачи из сферы или в сферу субъекта глаголов.

В качестве глагольных компонентов во фразеологических единицах широкозначные глаголы *take* и *give* образуют субкатегориальную пару и представляют отношения, возникающие между субъектами двух сфер при включении или передаче объекта из одной сферы в другую. Именно эти отношения являются тем самым «свернутым текстом», который данные глаголы вносят во фразеологические единицы.

This article is devoted to the analysis of the conceptual input of verbs with broad meanings, namely *give* and *take*, within phraseological units (idioms). We dare state that the concepts the analyzed verbs represent, find their realization within idioms. The verbs *take* and *give* thus give the semantic frame for the idiomatic meanings of the phraseological units.

Список литературы

Абаиш Ю. М. К вопросу о типологии некоторых устойчивых словосочетаний с глаголами *legen / liegen, setzen / sitzen, stellen / stehen* // Когнитивно-коммуникативные аспекты филологических и методических исследований: Материалы Междунар. конф. 26–27 апреля 2001 г. Калининград, 2001. С. 3–9.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Воскрешение метафоры // Словарь русских политических метафор. М., 1994. Ч. 2.

Беляевская Е. Г. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. школы-семинара. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 8–11.

Бондарко А. В. Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Там же. С. 166–168.

Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопр. языкознания. М., 1996. № 1. С. 71–93.

Иванова Е. В. Когнитивная структура пословицы // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. статей. СПб, 2000. Вып. 4. С. 81–87.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точкой зрения. М., 1997. 327 с.

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 2001.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989. С. 240.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2.

Ушкова Н. В. Категория полуслужебности в описании аналитической репрезентации концепта // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах: Моногр. Новосибирск, 2005. С. 244.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 1999.

Шапошникова И. В. Аналитическая деривация и ее сопряженность с другими явлениями // Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и

прагматическом аспектах: Моногр. Новосибирск, 2005. С. 244.

Gibbs R. W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of ideomaticity // Cognitive linguistics. 1990. № 2. P. 34–41.

Источники

Петренко К., Чужакин А. Transcript to audio course «Top Translators Talk on Tape». «Р. Валент». М., 1999. 62 p.

Dickens Ch. Oliver Twist. «Penguin books», Clays Ltd., L., 1994. 511 p.

Oates J. C. Blonde, «The ecco press», An input of Harper Collins Publishers. N. Y., 2000. 738 p.